

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2025. Т. 8, № 3. С. 39–59.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2025. Vol. 8, no. 3. P. 39–59.

Публикация / Publication

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-39-59

ГЕОРГИЙ ГАЧЕВ О СОКРАТЕ — ЖИЗНЕ-МЫСЛЬ (1994)

Предисловие, публикация и примечания А. Г. Гачевой

Анастасия Георгиевна Гачева
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН, Москва, Россия,
a-gacheva@yandex.ru

 Аннотация. Комментированная публикация этюда Георгия Гачева о Сократе, предназначавшегося для одноименного юношеского журнала. В предисловии и комментариях рассматривается гачевский принцип жизненного мышления, воссоздается атмосфера деревенской жизни философа, проводится параллель между текстом о Сократе и написанными в деревне Новоселки книгами «Осень с Кантом» и «Зимой с Декартом».

 Ключевые слова: архивное наследие Георгия Гачева, принцип жизненного мышления, этюд о Сократе, деревня Новоселки, книги «Осень с Кантом» и «Зимой с Декартом»

© Гачева А. Г., предисловие, публикация, примечания, 2025

Ссылка для цитирования: Гачев Георгий. О Сократе — жизне-мысль (1994) / предисл., публ., примеч. А. Г. Гачевой // *Философические письма. Русско-европейский диалог*. 2025. Т. 8, № 3. С. 39–59. doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-39-59.

Remembering Georgy Dmitrievich Gachev

GEORGY GACHEV

ABOUT SOCRATES — LIFE-THOUGHT (1994)

Preface, publication and notes by A. G. Gacheva

Anastasia G. Gacheva

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, a-gacheva@yandex.ru

Abstract. An annotated publication of Georgy Gachev's essay on Socrates, intended for the youth magazine of the same name. The preface and comments examine Gachev's principle of life-thinking, recreate the atmosphere of the philosopher's village life, and draw a parallel between the text on Socrates and the books "Autumn with Kant" and "Winter with Descartes," written in the village of Novosyolki.

Keywords: archival heritage of Georgy Gachev, the principle of life-thinking, an essay on Socrates, the village of Novosyolki, the books "Autumn with Kant" and "Winter with Descartes"

For citation: Gachev, Georgy (2025) "About Socrates — Life-Thought (1994)." Publ. by A. G. Gacheva, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 8(3), pp. 39–59. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2025-8-3-39-59.

Предисловие публикатора

Этюд о Сократе был написан Георгием Гачевым за 2 дня — 15 и 16 мая 1994 года в деревне Новоселки под Наро-Фоминском, куда с 1972 года он уезжал каждый год — весной, летом, осенью, даже зимой, затем возвращался и уезжал снова — курсируя между московской квартирой на улице Волгина и деревенским домом, а с лета 1994 года — между Переделкино и Новоселками, благо находились они на одной — Киевской — ветке железной дороги.

Георгий Гачев в деревне
за машинкой, 2000

Георгий — по-гречески «земледелец» — любил труд на земле и в деревне «крестьянствовал» и «умозрел». Утром — за пишущей машинкой, которую ставил на старую коричневую табуретку или деревянный стол-лавку, доставшуюся ему от «деда Никиты», бывшего его соседа по другой деревне, Щитово, — отдавался жизнемышлению, соединяя в едином тексте опыты жизни и мысли каждого дня. Днем — работал на огороде, сажая картошку, кабачки, лук, свеклу, морковь, огурцы, полот и прореживал грядки — и так же выпалывал ошибки и прореживал текст в верстках своих статей и книг, которые часто захватывал с собой в деревню. Вечером — читал и снова трудился на земле: окучивал, поливал, косил траву...

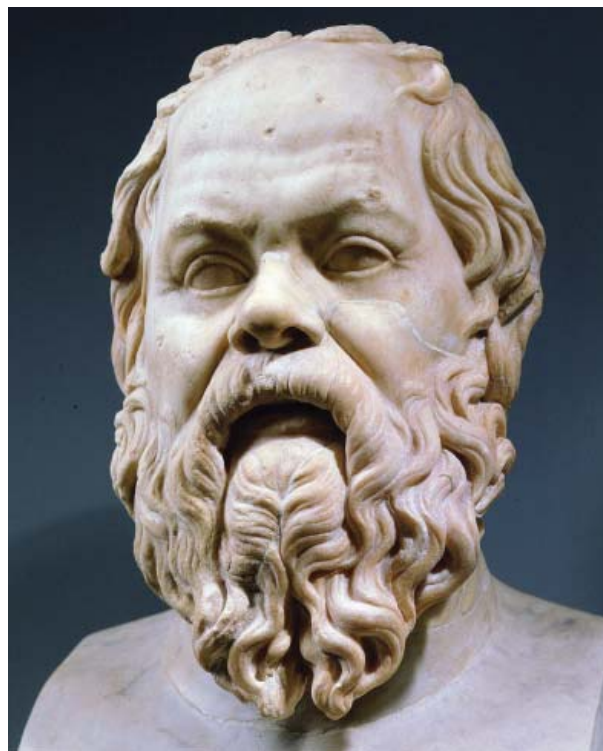
«Встреча жизни с Мыслью на диалог» [Гачев, 1995, с. 16] в хронотопе деревни происходила самым естественным образом — как в моменты утреннего «умозрения», так и в течение дня. Труд ума и воображения и труд крестьянина-земледельца взаимно питали друг друга, и часто, окучивая картошку и внезапно поймав новую мысль, Гачев бросался к пишущей машинке — не упустить, записать!

Жизнемышление Гачева было неангажированным и свободным. Он собеседовал с Бытием, ориентируясь на Истину и Абсолют. Мыслил не «злободневно», а на «доброгодне», как сказал сам о себе в фильме из цикла «Острова», попутно расчищая снег в Переделкино. Но при этом все текущее и бесследно утекающее в «пропасть забвенья», все мелочи жизни, весь сор повседневности, захватываясь его мыслью, запечатлеваясь словом, сохранялись для вечности. В его текстах раскрывались метафизические смыслы природных и сотворенных человеком вещей, быт переставал быть профанным, вторичным, презренным, недостойным внимания чистой мысли. «Лук — как модель мира», «Метафизика петуха», «Дом — зачем и что значит», «Деревья — руки земли», «Огурец — да это же ракета!», «Как паучок найдет дорогу домой?», «Утка научила миропониманию», «Телефон = взломщик в доме», «Фортепиано = дискретность. Скрипка = континуум. Частица и волна», «Телевизор — глаз в меня» [Гачев, 2019с, с. 705–709], — сами названия гачевских «жизнемыслей» проявля-

ли «священное в повседневном» [Касаткина, 2015]. Мир, сотворенный Божественным Словом, через слово мыслителя раскрывал логосное начало в себе, в нем проявлялась источная сопричастность к «Сотворшему вся», которая не улавливается ни одномерным, эмпирическим зрением, ни кабинетным философствованием, чужающимся живой жизни.

Темы умозрения рождались у Гачева в скрещении явлений Культуры, Духа и опытов повседневности, философские сюжеты рождались с житейскими, размышления о литературе и эстетике, естествознании и национальных ментальностях модулировали в описание деревенского быта и семейной робинзонады, разбор трактата Галилея о воде соединялся с описанием родов жены (см.: [Гачев, 2007, с. 185]), а чтение «Исповеди» Августина Блаженного перемежалось описанием заботы о младенце Ларисе, младшей любимой дочери: «Укачиваю ребенка на балконе — как разжигаю костер одной спичкой в сыром хворосте: бережно, с тревогой, плавно раздувая» [Гачев, 2019с, с. 265]. Диалоги в пространстве Культуры с Сократом, Платоном, Декартом, Кантом, Гегелем, Достоевским, Толстым перерастали в беседы с женой, Светланой Семеновой, мысль которой Гачев называл явлением Женского Логоса (см.: [Гачев, 2022, с. 577–668]), а сами эти беседы с рождавшимися в них идеями и пониманиями — «ОБЩИЙ СОКРАТ» [Гачев, 1995, с. 481]. Разговоры с коллегами по Институту истории естествознания и техники, Институту славяноведения и балканистики, с выдающимися современниками — Н. И. Толстым, В. С. Библером, В. Н. Топоровым, С. П. Курдюмовым, В. П. Визгиным и др. — шли по самому нерву времени и волновавших это время проблем. А наряду с ними в писаниях Гачева возникали «сократические диалоги» с соседями по деревне, звучали голоса простых людей, житейская мудрость которых оказывалась для него не менее значима, чем изречения философов и ученых, «совопросников века сего».

«При философствовании в жанре жизнемысли, — подчеркивал Гачев, — одновременно совершаются два дела: “познай самого себя” (Сократов принцип) и “познавай мир”» [Гачев, 1995, с. 17]. Этот целостный опыт само- и

Сократ

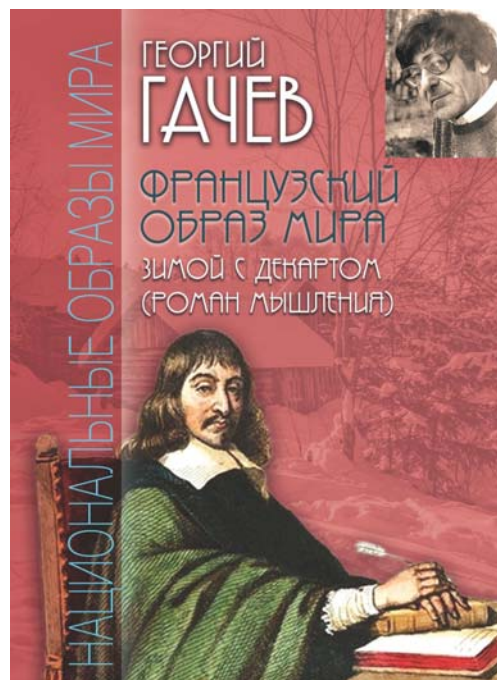
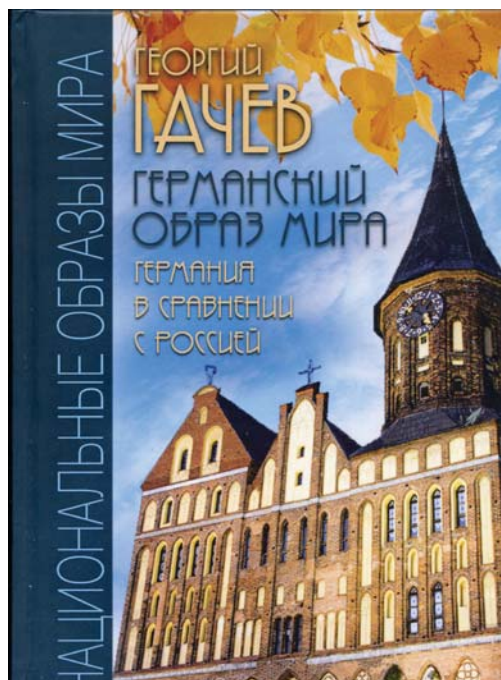

Георгий Гачев на веранде
в деревне Новоселки, 1998

миропознания как нельзя лучше демонстрирует этюд о Сократе. Уразумение об античном мыслителе Гачев помещает в контекст сельских трудов и дней, переносит Сократа из городских Афин в деревенскую Россию, имплицитно сравнивая его жизнь и судьбу и собственную жизненную траекторию. Точно так же двадцатью годами ранее он помещал в российский пейзаж, делая свидетелями и соучастниками собственной жизни, ключевые фигуры европейской мысли Нового времени — Рене Декарта и Иммануила Канта, знаменитый афоризм которого о «звездном небе над головой и моральном законе во мне» [Кант, 1966, с. 499], соединяющий Космос, Психею и Логос, сделал принципом собственной жизни.

Книги Гачева «Осень с Кантом» и «Зимой с Декартом» вполне могли быть дополнены «Летом с Сократом», если бы двухдневное размышление, адресованное юношескому журналу «Сократ», переросло форму «малого сочинения», как называл Гачев свои тексты, предназначавшиеся для газет, журналов и сборников. Жизнемысль о Сократе строится так же, как обе книги, занимающие в бумажных изданиях по несколько сотен страниц. Она вырастает из повседневности, из обстановки деревенского бытия, а также семейного тягла и упряжи — напрямую здесь не описанных (Гачев 15 и 16 мая в деревне один), но присутствующих во всем корпусе жизнемыслей 1994 года, так же как в «романе мышления» «Зимой с Декартом», где рассуждения о методе Декарта перемежаются «записюрьками» «Папа — муж», «В очереди за капустой», «Сказочно философствуем с Настей» [Гачев, 2019b, с. 82, 101, 109]. И феномен Сократа Гачев пытается понять изнутри себя, ныне живущего, подобно тому, как начинал «Осень с Кантом» размышлением «“Гачев и “Кант”» [Гачев, 2019a, с. 25–28].

Гачевское стремление «раскупорить на все пуговицы расстегнутый мир Канта, породнить с собой, побрататься», «найти и в Канте щели, отверстия, через которые открытый простор бытия тайно в его дом вторгается, воздух и тягу в нем создает, и усмотреть в “Кант” нечто вроде “Кантчев”» [Гачев, 2019a, с. 28], как и интимно-родственное «Ну, здравствуй, Декартушка! Переночевали мы с

Книги Георгия Гачева «Германский образ мира» (2019, включает «Осень с Кантом») и «Французский образ мира» («Зимой с Декартом (роман мышления)» (2019)

тобой, слава Богу, хорошо: не угорели, не вымерзли. (...) Ночевал я в спальном мешке, под теткинским одеялом. А ты, друг Декарт, в рюкзаке моем, в числе пяти томов *Œuvres*» [Гачев, 2019с, с. 388–389] — совсем не похожи на хлестаковское «С Пушкиным на дружеской ноге». Это беседа философов, совершающаяся не в стратифицированной реальности с ее «допусками», «политесами» и «ранжирами», а в области Духа, не имеющей ни границ, ни «парадных подъездов». Такой же в 1994 году была гачевская беседа с Сократом.

Деревенское раздолье, 2000

Георгий Гачев О СОКРАТЕ — ЖИЗНЕ-МЫСЛЬ

15.5.94. Солнечное утро в деревне. Я на своем алтаре: у крыльца избы под Ларисиной березой¹ сажусь тюкать на машинке. Выспался — после работы на огороде, воз-дух свеж, вода родникова. И завидная работенка тебе предложена: Сократа промыслить по новой. Это издательство «Прогресс» затевает для подростков журнал «Сократ» издавать, и Б. В. Орешин² предложил и мне поучаствовать с «космосами» моими «национальными», и сам я, слушая его, смекнул: да ведь мои «жизне-мысли» и метод «привлеченного мышления» — это в традиции Сократова «познай самого себя».

И взял томик Платона и читал вчера в электричке по дороге в Новоселки «Апологию Сократа», да и в «Протагора» заглянул³. Божественное чтение и питание духа и ума. Лесом и полем проходя, обдумывал. И стало освежаться и твое представление о мире, о своем месте в нем и своем деле; но и Сократ стал перепониматься по-новому. Отдай себе отчет: что же ты понял ныне в нем и во всем? Ибо думать о Сократе = думать обо Всем.

Поразила его липкость: ну что ты лезешь ко всем и каждому, чтобы доказать, что он — дурак? Пристает к людям на площадях и возле меняльных лавок и кусает, как овод... Почему б философу не уединиться, как Демокрит, например, кто говорят, даже ослепил себя, чтобы не видеть внешнего и не мешали б люди и заботы ему яснее и чище созерцать и понимать сущность бытия, Истину, мир интеллигибельный, мир «идей» (как Платон назовет)? Значит, Сократу дела нет до того: каков мир на самом деле, вне нас и без нас, человеков; что и кто там: боги, числа, стихии? Ему это неважно, все равно. Так что глупые афиняне действительно неправильно поняли его дело, обвиняя в низвержении их богов, верований и мифов. Он и сам охотно к мифам прибегает и сам иногда сочиняет в пояснение своих пониманий.

Он, как и подобный ему реформатор в Духе — Будда, отказывался ставить и отвечать на метафизические вопросы: каков мир, из чего состоит, что есть истина, есть ли Бог и прочие проблемы Бытия, онтологии: тут упираешься в бесконечность («дурную», как ее обзовет Гегель) и не нашего ума дела, неисповедимость, — и вот этот радикальный пункт и границу нашей способности познания и надо заявить им и утвердить, что Сократ и делает в формуле: «Я знаю только то, что я ничего не знаю».

Но ЭТО-то я подлинно ЗНАЮ — тем самым утверждает Сократ. И так добывается атом подлинного знания, точка опоры, о которой можно будет архимедово переворачивать нагромождения иллюзий и начать выстраивать здание разума, что аналогичным ходом ума затем Декарт и Кант станут делать. Декар-

тово ведь уравнение «мыслю = существую» примерно то же самое значит. Я сомневаюсь во всем, в том числе: не сон ли я сам и все мои представления о мире, людях, вещах. Единственное, в чем я не могу сомневаться, так это в том, что я существую, в то время, когда сомневаюсь, существует мое сомневающееся «я»...

Итак, безразличие Сократа к «последним вопросам» (метафизика и онтология), а также и к физическим (что есть солнце: камень или огонь? и как там устроен наш организм: сердце, кровь, лимфа и проч.) — выражает вообще его безразличие к Природе, к Космосу. На звезды и деревья он не смотрит, разве что кейфует под платаном, в тени его в жаркий день беседуя с Федром о душе.

Горожанин до мозга костей — вот Сократ. Не представишь его возделывающим свой сад (как рекомендует Вольтер) или огород, как римлянин Цинциннат капусту выращивал, удалясь от державных дел. Да и до «державных дел» нет дела Сократу (там политика, конкретное законодательство...), как нет ему дела и до дел домашних: запустил жену и детей, дом в бедности, а сам слоняется по площадям Афин, беседует или на пирах-симпозионах шутовским умом своим блистает, потешает хозяев и гостей.

И то, как он чуть ли не хвастается тем, что запустил домашние дела, выступая с защитительной речью в суде граждан Афин над ним, — есть тоже оскорбление и им, как оскорбил он Природу, отказываясь заниматься ею и разбираться, из чего она состоит и как функционирует. Значит, и частную честную жизнь — дома, семьи, жены, детей, любви, забот — тоже не удостоил вниманием и уважением. А кому-то ведь надо это чтить и в этом смысл находить — чтоб было чем хотя бы накормить-напоить того же Сократа и поставить ему мальчиков во ученики.

Так что, хотя и простолюдин Сократ, плебей, но и простонародье оскорбил в его заботах-занятиях, но тянется к аристократам и богачам (как Алкивиад и Критий), кто избавлены от забот хлеба и дома и могут позволить себе роскошь заниматься высшими интересами и интеллектуальными играми — как ныне развлекаются спортом или в шахматы. Ну да: Сократ — интеллектуальный чемпион: всех побивает, кладет на лопатки, и на зрелища этих побоищ собираются высшие люди Афин, и не жаль им попоить и покормить Сократа при этом.

Его ж единственная радость — свое мастерство, наслаждаться своей уникальностью, оправдывать речение Дельфийского оракула: «умнейший из смертных — Сократ», как царица, глядясь в зеркальце, в сказке Пушкина:

Я ль на свете всех милее,
Всех румяне и белее?

Грех тщеславия и гордыни.

Да, самочувствие мастера высшего пилотажа в нем. Недаром прибегает к мастерским разных профессий: кораблестроителям, врачам, кузнецам, скульпторам и др., опровергая универсальных знатоков и рассуждателей о чем угодно — софистов — на ристалищах диалогов.

Итак, Сократ — детище города и разделения труда. То два принципа, что цивилизацию нового времени (и нашу) образуют, и потому так много Сократ нам говорящ.

Но отсюда и обратно: пороки нашей цивилизации и во что она упирается, могут быть отправным моментом для критики Сократа, уразумения и его ограниченности — и в чем именно. Тем самым точнее о-предел-ится и его собственное дело, то есть поможем ему понять-«познать самого себя», что есть дело, не завершаемое жизнью человека: отсюда — мифологема о Страшном Суде, который некогда будет, и лишь там и тогда подведутся итоги жизни, делам и мыслям каждого человека — и Сократа: что в сущности-то он сделал.

Давно этим — уяснением и уточнением дела Сократа — занимаются во человечестве. Век с лишним назад Ницше в «Рождении трагедии из духа музыки» положил начало резкой критике Сократа — как отца бездушного и внежизненного рационализма, что привел к обесчеловеченной и техницистской науке и цивилизации нашего времени...

Итак, интеллектуальный чемпион и сверхчеловек — таким прорисовывается Сократ: в мастерстве этом вырабатывает себя таким, чтобы превзойти все человеческое и чтобы оно ему стало чуждо. В том числе и жалость, и страх смерти... Вон даже Иисус моление о чаше произнес: «Отче, пронеси чашу сию мимо. Но впрочем Твоя воля да будет!» Вот и в Боге — момент слабости, что освящает-оправдывает и нашу, человеческую — тем прецедент дан.

Однако то Богу — кенозис: явить себя участвующим в слабости человеческой, снисходительным к ней. А Сократу, которые не бог, но человек, — напрягаться в высь пристало. И это в нем последовательно. Ну что бы, казалось, не снизойти ему к человечности афинян и не вызвать в их сердцах сострадание к нему, попросить о милосердии и жизни, уважить тем самым меру человека смертного в них — и себя с ними так побратать, а не явить собою такого монстра, робота интеллекта, что инвариантен насчет жизни и смерти: это ему все равно!?

Но уже так излагая этот вариант, вижу, что он для него невозможен. Профессионал в человеке должен, обязан даже (если быть до конца последовательным) убить в нем жизнь. Воля разделения труда такова. «Наука (искусство) требует жертв» — повторим. Чтим тут подвиги героев — как наш Богданов,

кто, ставя на себе опыты, умерли, как и актер Мольер — на сцене. Илья у Пушкина об Онегине: «Высокой страсти не имея / Для звуков жизни не щадить...»

Так что Сократ просто должен был «на грубость нарываться» = спровоцировать афинян убить его — и так до конца выделать из себя, как скульптор статую (кстати, сын он скульптора), человека-миф (ибо «Сократ» на правах такого же мифа в человечестве ходит, как «Прометей», «Христос», «Пушкин», «Ницше» и т. п.). Его защитительная речь была, в сущности, подстрекательской: чтоб не сам он себя убил (положил точку, последний штрих нанес), что мало эффектно и бездарно, но чтобы твой народ, отечество, где ты пророк, — тебя бы казнили, а потом бы весь свой век раскаивались! Как же таким шансом пренебречь человеку (да еще старцу под 70, кому все равно скоро...), живущему не в Боге как Любви, а лишь в Боге как Слове?

Да, важно это: Сократ никого не любит — ни жену, ни детей (может, и любит, но это не занимает его ум, за порогом его чувствительности), разве что мальчиков-учеников, как Алкивиада, да и то не страстно, а слегка. Эрос же в нем, конечно, есть, страсть чувствуется — но к чему? К знанию? — Нет: в нем страсть обосрать всякого претендующего нечто знать. Он, как охотник на дичь, набрасывается на Горгия, Протагора — растерзать их челюстями ума-диалектики. И мефистофельски хохотать над наивной самоуверенностью человека, мнящего, будто что-то знает. Ну, сам-то он не хохочет, как клоун серьезен на эстраде, зато все кругом за животики держатся...

Страсть ли его — к миру идей (как в «Государстве» их блеск явлен нам, прикованным к стене пещеры) или к островам блаженных (как в «Федоне»), или к гармонии творения Космоса демиургом (как в «Тимее»)? Все это есть — но не всепоглощающе в нем. Нет и любознания: учиться узнавать разные частные вещи (как это в Аристотеле), нет и восхищения-экстаза в мир идей, там обитать, в Абсолюте, — как это в Платоне. Сократ суше, не поэтичен так, как Платон (кто и трагедии писал), и не чувствителен... Все любят нечто другое, чем «я», нечто вне себя. Сократ же занят этим — «познай (= люби, маниакально разглядывай) самого себя», магнетически сюда привязан и возвращается.

Но что это за «я», из чего состоит? Из эмпирического человека Сократа, что любит пожить, попить, порассуждать, приставая к умникам из граждан Афин и, как овод, впиваться в них и уличать, что они ничего не знают? Жалящий критикан-Зоил? И это тоже есть в нем — критическое направление ума, что потом и в «Критиках» Разума у Канта...

Нет, и своего «я» житейского ему не жаль: он был хороший воин и за жизнь не дрожит. Как и на суде не цепляется за нее. И в то же время — нарциссичен:

дорожит репутацией умнейшего — то есть в себе ценит способность рассуждения, диалектики, в чем он маэстро экстра класса.

Так что то «я», которое превыше всего ценит в себе Сократ, — это «я-мыслящий», Декартово *cogito ergo sum* (= «я мыслю — следовательно, я существую»), а значит, если не буду мыслить = не буду существовать: ведь если афиняне сохраняют ему жизнь, но с запретом рассуждать (а такой вариант обсуждает Сократ в защитительной речи), — это для него равносильно смерти, даже хуже, ибо предаст тем самым свой принцип — и эмпирическое свое смертное, вонючее и испражняющееся «я-тело» предпочтет «я-мыслящему», в каковом его суть, призвание и слава вечная — понимал это! Это то «я», которое Кант назовет «трансцендентальное единство апперцепции», а Фихте и Гегель примут и онтологизируют в *Ichheit* = «Яйность», большое «Я» Духа, что полагает всякое «Не-Я» — Бытие, Мир, Природу как свое «инобытие», и прочее...

Вот это в себе любит Сократ — это «я», столь перспективное: когда начинаешь в себя погружаться, там бездну обнаруживаешь, как и те, кто смотрят наружу — во Вселенную и ее бесконечные миры. Их равномогущество выразит Кант, исповедуя свое Кредо и Эрос в финале «Критики практического разума»: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них — это *звездное небо надо мной и моральный закон во мне*»*. Так что Сократ в этот вектор направил ум, философию. Хотя нет: этика в нем сильна, но главное — техника рассуждательства, критика, диалектика. Ибо и нравственные нормы — не более их любит, нежели числа или природу. Ну — чуть больше, поскольку горожанин...

Но все мировые проблемы никуда не ушли: они лишь переместились внутрь «я». Теперь надо разматывать это — «самого себя», что мы призваны «познавать». И почему «познавать» лишь, а не жить иль строить? И сколько там разных «я» — в этом «я»? И какие между ними там отношения? И как сочетать в этом «себе» мне себя как человека живущего — и мыслящее мною «я» трансцендентное?

Для каждого тут свои сюжеты и варианты — по призванию, натуре, характеру, вкусу.

Однако, уж 11.30. Пора покопать-подвигаться. Болванку умозрения про Сократа, считай, набросал уж.

16.5.94. Ой ласточки уже на крыше появились — сопутницы-сожительницы милые существования моего деревенского! Нырнула одна под черепицу,

* Кант И. Соч. т. 4, ч. 1. М.: Мысль, 1965, с. 499–500⁴.

взлетела на столб — трудится клювиком и хвостиком над снедью какой-то. А вот и вторая. Уже зазвучал космос утренним птичьим голшением на солнышке. Как лучики, из их горлышек серебристых вылетают звуки фиоритурные...

Но какие перепады погоды! Вчера заморозок и иней, а сейчас гол сижу, ласке солнышка отдаваясь, струпья на спине суша, что от все одетого, не дышащего тела за зиму образовались и зудят.

Вчера недурно день прошел. Поумозрел с утра про Сократа, потом картошку сажал вдумчиво, забрасывая горсть навозу и щепотку золы в ямку, ровную рядность блюда. Сосед Милош⁵, что шефство гуманитарное надо мной дружески упражняет, видя меня в резиновых сапогах да и с рваными голенищами, свои кирзовые лишние дал: теперь ногам лафа и кайф — легко и сухо, словно воспаряешь, а в тех — сырь мать-земли тянула к низу могильно и уныние навевала...

Потом пришел Гриша Мазай⁶ — банку луку посадочного принес: выполнил позавчерашний уговор наш, ну и я свою выполняю: бутылку, что привез на такой случай из города (а бутылка тут — универсальная мера и валюта), — протягиваю. Но он предлагает вместе выпить: человек компанейский и разговору ради. Садимся у меня на террасе, достаю хлеб, сыр, луку в огороде нарвал и щавелю. Тут и Милош пришел, но выпить отказывается и говорит Грише:

— Вчера про наши Новоселки и про твоего отца по всей России стало известно: Георгий Дмитриевич рассказывал — ты не слышал?

— Это у меня, — объясняю, — два месяца назад интервью брали, когда я в писательском доме в Переделкино был, а вчера запустили⁷. Там я про твоего, Гриша, отца так рассказываю. Зимой 1973 года писал я здесь о Декарте, французском философе. Заходит ко мне сосед, Устин Андреевич Мазай⁸, смотрит на книги, спрашивает:

— Чего пишешь-то?

— Да вот был такой французский философ Декарт, триста лет назад жил; понять, о чем он думал, стараюсь.

— А я тебе скажу, о чем он думал.

— Да ну?

— В охряпку!

— Что?

— Как бы бабу в охряпку. Об этом все думают — хоть ученый, хоть не ученый!

А ведь верно: в самую точку попал! — думаю. Эрос свой каждый в формах своей профессии «сублимирует» (как умники фрейдовы толкуют). И Декарт также — и это я: психологию его мышления, в связи с жизнью и натурой, ис-

следовал. И зазудело мне книгу так и назвать: «Декарт — в охряпку!» — словом этим народным, что мне дед Мазай, мужик русский, шутник, бессменный тут председатель колхоза, как медведь ко мне вперевалку зашел, подарил. Аж взвыл я от восторга такого сочетания. Сравни: «Доктрина Декарта» — это как «Декарт Декарта» — тоска, и не запомнишь книгу такую. А вот «Декарт — в охряпку» — нарочно-искусственно так не придумаешь, но сам Логос Бытия так возглаголал, от него подарок... Но пришлось умерить и назвать более нейтрально: «Зимой с Декартом»⁹.

Гриша растрогался и выпили за память его отца. Что ж: я тут уж старожил и свой — 22 года, треть жизни моей, обитаю: умозрю и крестьянствую, полдня умом, полдня телом трудясь.

Когда Гриша ушел, я колебался: работать-копать, иль заодно уж и обед сварить? Разбередилась нутренняя-то водочкой: закуси требует. Нарвал крапивы молодой, щи зеленые сварил. Дреманул. Потом снова копал — под лук и под «Гугеноты» Мейербера (по «Орфею» передавали). Трудоемка посадка маленьких головок: выворачиваются кверху жопкой, снова их вправлять, да и различать трудно у них верх-низ. Аж голова от вечного склонения заболела, и затошнило. Пришлось полежать — под виолончельные сонаты Бетховена, что Рихтер и Ростропович играли. Сварил каши гречневой да чай с лимоном — подвоскрес к 10 и сел почитать еще про Сократа из Диогена Лаэртского: постоянно я тут в деревне среди немногих книг держу этот томик — чудное питание уму и воображению¹⁰.

Да, неправ я оказался, отказав Сократу в любознании: уж кто-кто, а он всю жизнь познавал и «говорил, что есть только одно благо — знание и одно только зло — невежество... Уже стариком он учился играть на лире: разве неприлично, говорил он, узнавать то, чего не знал?» (кн. II, 31–32)¹¹.

Однако не количество познаний, эрудиция — его пафос (в этом другие — учение, и, как иронизировал Гераклит: «Многознание не научает уму, иначе бы оно научило Пифагора и Ксенофана»¹²), но понять: что есть знание и как добывается; метод и рефлексия, «критика разума», как это дело обозначит Кант. И при этом неважно, какое познание разъедает такой философ в рефлексии: поэтическое ли искусство (как в диалоге «Ион»), законодательство ли (как в «Государстве» и «Законах»), физику ли (как в «Тимее») и проч. Его дело — редукция до первоначал — даже не знания («стихии» = устои, «аксиомы» — и другие полагали в принципы, на которых что-то строили), а техники мышления. В сущности, его задача — опустошить каждую область «знания», явить ее как «будто-знание», и уткнуть умника в пустоту и в неведомое, в Не-знание, поставить напрямую перед бездной неведомого Бытия, разоружив ученого, по-

казав, что его арсенал никуда не годится, но лишь утеха и бирюльки, какими мальчику играть, но что недостойны мыслителя. То есть, упирал в ту бездну бесконечного, как и Паскаль потом: человек — наг меж двух бездн: бесконечно большого (Вселенная) и бесконечно малого (микромир)...

Сократ — обескураживает: всякое трудовое усилие ума понять некое ЧТО сводит на нет — как мнимое «знание». Вгоняет в уныние. Отчего ж весело нам читать Платоновы диалоги с Сократом? Да — пир Ума самоценного, смеющегося издеваться и над собой, его игра и ирония, бесконечность его территории, автаркия, независимость от всякой наружи: и Природы, и науки (и Бога и богов, разумеется), восхищает.

И разъев все, прибегает от Логоса (рассуждения) — к Мифу: творец великолепных философских сказочек-притч — Сократ. Их его ученик Платон еще более любит и подбирает от всякого. И рассыпи их в «сократических диалогах» Платона: и Пещера («Государство»), и Андрогини («Пир»), и Душа как колесница с возничим при двух конях («Федр»), и реки в пейзаже Аида («Федон»), и Демиург, творящий Вселенную («Тимей») и т. п.

Среди всеразрушительности разъедающей иронии, рефлексии разума, прибежищем Абсолюта, твердью в области понимания оказываются образы, символы, видения, в-идеи — плоды воображения. Они честнее будто-знаний умников — тем, что прямо и говорят, что это вымысел, сказочка и притча. А вот в своей форме мысль и протаскивают — и некое богатое представление и понимание того, что есть в Бытии и каково оно, — дают. Вот, например, в диалоге «Протагор» Сократ провоцирует софиста сомнением:

«— Я и не верю, чтобы можно было научить добродетели; однако, слыша твои слова, я уступаю (это он в поддавки играет: уступает, чтобы заманить в котел своей засады и там кромсать доверчиво вошедшего и разговорившегося простака-“мудреца”. — Г. Г.) и думаю, что ты говоришь дело: я полагаю, у тебя большой опыт, ты многому научился, а кое-что и сам открыл. (Ишь, льстит — как Лисица Вороне. — Г. Г.). Так что, если ты в состоянии яснее нам показать, что добродетели можно научиться, не скрывай этого и покажи.

— Скрывать, Сократ, я не буду, — сказал Протагор. — Но как мне вам это показать: с помощью ли мифа, какие рассказывают старики молодым, или с помощью рассуждения (= “логоса”. — Г. Г.)» (Платон, 320, b, c)¹³. И следует дивный миф о том, как два титана-брата Эпитемей (= «задний ум») и Прометей (= «вперед смотрящий») обучали человека, как жить и чем.

Однако жаль мне, что я ушел от того ракурса на Сократа, к которому вышел в конце вчерашнего рассуждения: из сегодняшнего состояния мира, жизни и

знания, которые сложились в «сократовом» векторе, что царил в европейской цивилизации две с половиной тысячи лет.

Сократ — это Знание против Жизни, Мужское против Женского, Интеллект против Любви, Город (индустрия-проМЫШленность) против ПриРОДы-Матери-и. Герой, воин, чемпион, подвиг... Все — добродетели Патриархатной цивилизации. Но она со своими идеалами и ценностями и привела к войнам XX века, к удушению Природы, к угрозе Жизни на Земле. Да потому что Жизнь — ни во что ценилась! Тоже ценность — деторождение!

Но чтоб иметь детей,
Кому ума не доставало? —

иронизировал горько и завистливо русский умник Чацкий.

Ну да: в их времена — Сократа и Чацкого — люди плодились, как лягушки икру метали. И не проблема это. Вон Кант — 13-й ребенок в семье. Чего ж ему не философствовать только? Другие о продлении рода-фамилии-имени позаботятся. Ну а мне в нашем веке самоистребительном, да еще в СССР — каково? В поколении деда моего Ивана Гачева¹⁴, учителя гимназии в Болгарии, 5 братьев и 3 сестер. У отца — брат и две сестры. Но брат, революционер, социалист, пал в борьбе героически (читится как «народный герой Болгарии»)¹⁵, семьи не имел, детей не оставил. Отец с матерью родили меня одного: сами культуру и творчество (эстетика, музыка) оплодотворяли; потом отец на Колыме погиб — опять же за идею (не ту)¹⁶. И так род мой в небытие уходит. Я — надежда. Но я, вырастая в одиночестве, среди книг и гамм, стал замкнут и трудно контактен; а уж с женщиной сойтись — как для Канта в философии: где остальные проходят, не задумываясь, передо мною вырастали Альпы проблем! И вот Культура, в которой я выросал с детства, мне стала ничто, не дорога, зато Жизнь, простая и немудрящая, — так трудно доступна и сверхценна! Так что то, что для времен Сократа — раз плюнуть: семью завести и детей и вся обывательская, мещанская сторона бытия, — для меня в ореоле недостижимой ценности, проблема! Я боялся жизнь не прожить — не в том смысле, что умру рано, но что опыты Жизни, положенные человеку, уникальные, пройдут мимо — и будто и не жил ты — и это ад! Так, по Достоевскому, Ад — это раскаяние по смерти, что не любил при жизни, а исправить — уж невозможно, поздно.

И потому, когда мне удалось — полюбить, завести семью, родить детей, зажить телесно и материально — вот и физическим трудом в деревне и стать почти своим среди русских мужиков, — это свершение упований и счастье. И каждый миг тут — ценность, священство Бытия Живого и исполнен смысла.

Употребляй же ум свой, нажитые знания и культуру, чтобы постигать, раскупоривать эти смыслы и идеи мигот, ситуаций Жизни обыденной — как божественной!

Так вышел я на жанр ЖИЗНЕ-МЫСЛИ и ПРИВлеченного мышления — передо мной как человеком живущим. И осознаю это — как свой вариант исполнения Сократовой заповеди «познай самого себя».

В сократовом — и потом в декартовом и кантовом вариантах — трансцендентное «я» добывалось, дистиллировалось через абстрагирование от эмпирического «я» мыслителя как человека живущего. Но разве он перестал жить, когда мыслит? И разве не оказывают ситуации его жизни, настроения — своего влияния на теоретические ходы его мысли в эмпириях Духа? Я-то в своем опыте обнаружил, что ох как еще оказывают! И это может быть не минус, но — ценность, питание уму и теории.

Тут мне в подкрепление — физика XX века. Она в своих экспериментах над микрочастицами в камерах обскура и проч. обнаружила, что прибор влияет на опыт, и надо учитывать добавление смысла от него — и как помеху, и как плюс — для объективной точности результата. Ну а в гуманитарном мышлении (чем я занят) — что прибор? А вот я — человек живущий, такой-сякой, с особенностями натуры и характера, судьбы, вплоть до ситуации и настроения данного мига, в какой идет мое размышление. Это тоже надо вводить в текст и состав мышления — тогда оно объемнее и именно объективнее выходит: не прячутся от глаз долой как неэтикетные и неприличные — а так это в ритуале научного мышления доселе: всякие там чувства и свои проблемы-комплексы оставляй за бортом, ими можно пренебречь, как бесконечно малой величиной. Но как значительна порой оказывается эта величина — умнее тех теоретических соображений, которые лишь ценит в своем тексте мыслитель!..

И выработалось у меня двойное зрение: я параллельно веду размышление над объектом культуры (как здесь — над Сократом) и наблюдение за течением своей жизни и ее опытами, и приглядываюсь, как они, оба эти уровня, влияют друг на друга. Уровень культуры — просветляет, помогает мысль открыть в текущем мгновении, его божественно налитым ощущая; а житейская ситуация, с интенсивностью переживания и волей распутать себя, — цепляется за текущую в тебе в данный момент мысль и питает ее Эросом жизненной заинтересованности, направляя решение проблемы в том или ином «ключе». И когда отдашь себе в этом отчет (в сократовой опять же рефлексии), — то, что ты мыслишь, высказываешь, оказывается богаче содержанием. Оно как бы уже трипланно идет: пласт размышления над проблемой отвлеченной, пласт житейский, а между ними вклинивается работа рефлексии, сопоставления их. И так

три ипостаси автора работают: он как интеллект мыслящий, как человек живущий — и как наблюдатель-комментатор обоих. Результат такого «три-лога» (не диалога даже), со включением субъективности автора в его состав, оказывается как раз объективнее (чем при ее игнорировании): читателю даются карты в руки судить о настроении, ситуации, в каких произведена та или иная «отвлеченная» мысль автора, и он может сделать поправку на его пристрастия...

Однако опять 11.30. Два с лишним часа летаю, засиделся. Пора и поражаться, потрудиться — физически. Вечером — в город, а надо еще раскопать под свеклу и кабачки и пленкой накрыть.

19.5.94. Перепечатывал вчера целый день в городе этюд о Сократе — и так прозрачно и очевидно предстало сознанию, как мои утверждения о нем сопряжены с тем, как я живу, чем мучусь и чем счастлив. Мне мучителен город, я при себе в уединении среди природы — и по контрасту Сократ поразителен мне как горожанин по преимуществу. Открылось в нем и бесчувствие к Природе-Матери-и, отсутствие и интеллектуального интереса к ней.

Я весь — в трепете Любви к женщинам-жизненочкам, со мною сопряженным в милый труд семьи, — и антижизненный аспект дела и стиля мысли Сократа мне увиделся отсюда.

Я трудно контактен — и липкость-клейкость Сократа к человечкам мне удивительна: непрерывно тусуется среди людей, подлинно «общественное животное» (какова сущность человека, по определению Аристотеля), хотя про него рассказывают, что целую ночь простоял, задумавшись в медитации, — и это во время войны! Он — смелый воин, я ж боюсь драться — и вот обрушиваюсь на Патриархатную цивилизацию и ее ценности, ратуя за Жизнь, Женское и ПриРОДу.

Ум Сократа воспламеняется в присутствии людей и работает в ходе разговора, щедро рассеивая фейерверки мыслей в уши и души слушателей, и, кабы не Платон, записавший или восстановивший по памяти, иль приписавший Сократу свои мысли, — мы о нем ничего бы не знали, кроме легенды о странном человеке. Я же — урод эпохи письменности и книгопечатания — графоман, самоудовлетворяющийся, записав мысль и отложив ее в склепы папок, как скупой рыцарь дублоны — в свои сундуки.

Ну что ж: сия заключительная запись вводит голос автора комментирующего, который рефлектирует над двумя потоками текста, прописанными ранее и принадлежащими «я-мыслящему» и «человеку живущему» в том же «мне». И так появилось-прозвучало ТРИО голосов, присущее философствованию в жанре «жизне-мысли».

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуется по рукописи, хранящейся в Архиве семьи Гачевых, с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

Источник текста — авторская машинопись на 15 листах с правкой черной ручкой — хранится в большой папке, на которой рукой Гачева сделана надпись: «Малые соч(инения). 1993–2002». На полях первого листа машинописи справа помета его рукой: «В Прогресс, журнал “Сократ”, неизд(анное)».

В папке «Писание 1994 г.» текст, с которого перепечатывался беловик, носит название «СОКРАТ (ОБДУМЫВАЮ ЗАНОВО)» и располагается на страницах 422–433.

¹ Береза у крыльца дома Гачева в деревне Новоселки. Выросла из прутика, воткнутого в землю на праздник Троицы младшей дочерью Гачева Ларисой. Чудесным образом береза, посаженная на Троицу, по своей конфигурации представляет единство в трех лицах: мощный ствол и расходящиеся от него три ветви. По утрам Георгий Гачев часто располагал лавку или большую табуретку под березой, на этот импровизированный «стол» ставил машинку, садился на маленькую табуреточку и начинал «умозреть».

² Борис Васильевич Орешин (р. 1939) — историк, издатель. В 1962–1964 годах работал в школе учителем истории и обществознания, в конце 1960-х — начале 1970-х годов — старший научный сотрудник Института экономики и международных отношений и Института конкретных социальных исследований, в 1972–1979 годах — научный консультант журнала «Вопросы философии», с 1979 года работал в издательстве «Прогресс», во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х годов главный редактор издательства. В 1992–1995 годах возглавляемая Б. В. Орешиним «Издательская группа “Прогресс”» издавала Международный философский журнал «Путь», а также серию «Библиотека журнала “Путь”», в которой «впервые вышла в оригинальной версии “История русской философии” Н. О. Лосского (не в обратном переводе с английского, как это было сделано прежде). Было издано собрание сочинений Н. Ф. Федорова; в малой серии вышли книги Шпета, Лосского, Бонхёффера, Поппера, Гейне, Налимова...» [Блауберг, 2022, с. 155]. В 1997 году Б. В. Орешин создал издательство «Прогресс-традиция» и в течение 25 лет его возглавлял. Проект журнала для подростков «Сократ» не был осуществлен.

³ Г. Д. Гачев взял в деревню первый том трехтомного академического издания «Сочинений» Платона, имевшегося в его личной библиотеке [Платон, 1968]. В этот том, в частности, вошли «ранние произведения Платона, которые не выходят еще за пределы философии Сократа, учителя и воспитателя Платона» [Лосев, 1968, с. 75] (среди них упоминаемая Гачевым «Апология Сократа»), а также «сократические диалоги» (среди них «Протагор»).

⁴ Сноска принадлежит Г. Д. Гачеву. Издание, по которому цитируется знаменитая фраза Канта из «Заключения» к «Критике практического разума», имелось в личной библиотеке мыслителя.

⁵ Милош Петрович Ковбень (р. 1941) — инженер-электрик, сосед Г. Д. Гачева по деревне Новоселки.

⁶ Григорий Устинович Мазаев (1928–2014) — сосед Г. Д. Гачева по деревне Новоселки. Семья Мазаевых — коренные жители деревни.

⁷ Г. Д. Гачеву был посвящен один из выпусков радиопередачи «В компании с Мариной Москвиной», выходившей в 1990-х годах по субботам на радио «Россия». В эфире выпуск о Гачеве прозвучал 14 мая 1994 года.

⁸ Устин Андреевич Мазаев — сосед Г. Д. Гачева по деревне Новоселки, отец Г. У. Мазаева.

⁹ В книге «Зимой с Декартом» разговор с У. А. Мазаем воспроизведен в записи от 5 марта 1973 года и носит название «Декарт в охряпку» (см.: [Гачев, 2019b, с. 670]); там же в примечаниях, сделанных во время подготовки машинописи книги, содержится развернутое рассуждение, суть которого Гачев передает в этюде о Сократе:

«30.IV.75. Эх! Умираю от этого сочетания: “Декарт в охряпку”. Так бы книгу всю эту называть! Не придумать удачнее и по сути, и по звучанию. Такого стечения слов — сам и не придумаешь: воистину от бытия это Логосу подарок — и мне, и Декарту. Действительно: из глубинки русской, дед Мазай, Устин Андреич, бывший бессменный председатель колхоза, — в самое

ядрышко и яблочко тут заглянул, что у каждого мыслителя какой уж только сложностью не прикровенно!

— А что он любит-ищет, философ-то?

— Истину. Софию-Мудрость. Психею, Субстанцию. Матерь(ю) — все сплошь женские имена, вечно женственное, в разных ипостасях, обозначающие.

И вся работа моя, ее курс: духовный Эрос под Логосом и Космосом Декарта выявить, его вариант сюжета Амура с Психеей.

Так что по смыслу совершенно точно предмет мой улавливало бы название “Декарт в охряпку”.

Ну, а по словосочетанию, звучанию — это чистый художественный праздник! Спать воедино такие стилистические полюса, как ученейший философ с латинским именем “Картезий” и русское густо народное, диалектальное словечко “в охряпку” — такое из этого перепада разности потенциалов магнитное поле образа создается, — что саможивучесть обретается и непрерывное истечение смыслов и обертонов происходит!

Когда застонал я и восплакал Виктору Визгину, что не удастся книгу таким словосочетанием обозначить, он тоже им проникся, вслушался и так развил:

— Назвать “Доктрина Декарта” — это все равно, что сказать “Декарт Декарта”. А “Декарт в охряпку”! Чего тут только не слышится! И “охапка”, в которую схватить; и “хрястнуть”, “хруст”, “храп” и “хрип” — лесное-волчье, русско-медвежье. Медведь ведь — русский тотем языческий.

Да, и принесено мне это слово Косолапым дедом, Устином Андреевичем, из лесов дремучих. И умозрел я Декарта из избы русской, зимою лютой, сграбастав его тома в охряпку и греясь у печки. Так что книга моя — облучение Декарта и просвечивание из снежной России...

В крайнем случае, назвать нейтральнее: “Зимой с Декартом”. Тут и предмет (Декарт), и время, когда дело было, а, значат, — и сюжет с ним, Декартом, подразумевается, и тот некто, кто был — беседовал зимой с Декартом, — т. е. и автор выносится во образ...» [Гачев, 2019b, с. 773–774].

¹⁰ Речь идет об издании: [Диоген Лаэртский, 1979]. Данный том, выпущенный в серии «Философское наследие», был постоянным спутником Г. Д. Гачева в деревне Новоселки.

¹¹ Гачев ссылается на главку «Сократ», входящую во вторую книгу сочинения Диогена Лаэртского [Диоген Лаэртский, 1979, с. 113].

¹² Цитата из главки «Гераклит», входящей в девятую книгу сочинения Диогена Лаэртского [Диоген Лаэртский, 1979, с. 359].

¹³ Цитату из диалога Платона «Протагор» Гачев приводит по: [Платон, 1968, с. 202].

¹⁴ Иван Георгиевич Гачев (1859–1926) — дед Г. Д. Гачева, учитель, актер народного театра в Брацигово (Болгария).

¹⁵ Георгий Иванович Гачев (1895–1925) — дядя Георгия Гачева, старший брат его отца Д. И. Гачева. Деятель Болгарского коммунистического движения, руководитель Софийского военного округа в Сентябрьском восстании 1923 года в Болгарии. Был убит болгарскими фашистами.

¹⁶ Отец Г. Д. Гачева Дмитрий Иванович Гачев (1902–1945), болгарский эстетик, критик, музыкант. В 1926 году приехал в СССР, окончил Московскую консерваторию, защитил кандидатскую диссертацию «Эстетические взгляды Дидро» (1934), в 1935–1938 годах заведовал сектором иностранной литературы издательства «Художественная литература». Репрессирован в 1938 году, спустя 7 лет погиб на Колыме. Мать Г. Д. Гачева, Мирра Семеновна Брук (1904–2001), музыковед, педагог. Защитила кандидатскую диссертацию о Ж. Бизе. С 1928 года работала в Московской консерватории, в 1935–1939 годах в Музгизе, с 1944 по 1986 год была преподавателем Государственного музыкально-педагогического института имени Гнесиных.

Список источников

Блауберг И. И. История философии как выбор и путь // Политическая концептология. 2022. № 2. С. 147–158.

Гачев Г. Д. Германский образ мира. Германия в сравнении с Россией. М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2019а. 855 с. (Технологии культуры: Национальные образы мира).

Гачев Г. Д. Жизнь с Мыслью: Книга счастливого человека (пока...). М.: Ди-Дик-Танаис, МТРК «Мир», 1995. 495 с.

Гачев Г. Д. Миры Европы. Взгляд из России. Италия. М.: Воскресение, 2007. 416 с.

Гачев Г. Д. Русская Дума: Портреты русских мыслителей / Сост. А. Г. Гачевой, литографии Ю. И. Селиверстова. М.: Академический проект; Трикста, 2022. 762 с.

Гачев Г. Д. Философия быта как бытия. М.: Фонд «Мир», 2019с. 712 с. (Технологии культуры).

Гачев Г. Д. Французский образ мира. Зимой с Декартом (роман мышления). М.: Академический проект; Фонд «Мир», 2019b. 839 с. (Технологии культуры: Национальные образы мира).

Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979. 620 с.

Касаткина Т. А. СВЯЩЕННОЕ В ПОВСЕДНЕВНОМ: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.

Лосев А. Ф. Вводные замечания к тому 1 // Платон. Сочинения: В 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Вступ. ст. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1968. Т. 1. С. 74–80.

Платон. Сочинения: В 3 т. / под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. Вступ. ст. А. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1968. Т. 1. 622 с.

References

Blauberg, I. I. (2022) “Istoriya filosofii kak vybor i put” [“History of Philosophy as a Choice and a Path”], *Politicheskaya kontseptologiya* [Political Conceptology], 2, pp. 147–158.

Gachev, G. D. (2019a) *Germaneskii obraz mira. Germaniya v sravnenii s Rossiei* [German Image of the World. Germany in Comparison with Russia]. Moscow: Akademicheskii proekt; Fond “Mir”. (Cultural Technologies: National Images of the World).

Gachev, G. D. (1995) *Zhizn’ s Mysl’yu: Kniga schastlivogo cheloveka (poka...)* [Life with Thought: The Book of a Happy Man (for now...)]. Moscow: Di-Dik-Tanais, MTRK “Mir”.

Gachev, G. D. (2007) *Miry Evropy. Vzglyad iz Rossii. Italiya* [Worlds of Europe. A View from Russia. Italy]. Moscow: Voskresenie Publ.

Gachev, G. D. (2022) *Russkaya Duma: Portrety russkikh myslitelei* [Russian Duma: Portraits of Russian Thinkers]. Comp. by A. G. Gacheva, lithographs by Yu. I. Seliverstov. Moscow: Akademicheskii proekt; Triksa.

Gachev, G. D. (2019c) *Filosofiya byta kak bytiya* [Philosophy of Everyday Life as Being]. Moscow: Fond “Mir”. (Cultural technologies).

Gachev, G. D. (2019b) *Frantsuzskii obraz mira. Zimoi s Dekartom (roman myshleniya)* [French Image of the World. In Winter with Descartes (A Novel of Thinking)]. Moscow: Akademicheskii proekt; Fond “Mir”. (Cultural technologies: National images of the world).

Diogenes, Laërtius (1979) *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitykh filosofov* [About the Life, Teachings and Sayings of Famous Philosophers]. General editorial board and introduction by A. F. Losev. Moscow: Mysl’ Publ.

Kasatkina, T. A. (2015) *SVYaShchENNOE V POVSEDNEVNOM: Dvusostavnyi obraz v proizvedeniyakh F. M. Dostoevskogo* [THE SACRED IN THE EVERYDAY: A Two-part Image in the Works of F. M. Dostoevsky]. Moscow: IMLI RAN.

Losev, A. F. (1968) “Vvodnye zamechaniya k tomu 1” [“Introductory Remarks to Vol. 1”], in Platon. *Sochineniya: V 3 tomakh. Tom 1* [Works: In 3 vols. Vol. 1]. Ed. by A. F. Losev and V. F. Asmus. Introduction by A. F. Losev. Moscow: Mysl’, pp. 74–80.

Platon (1968) *Sochineniya: V 3 tomakh. Tom 1* [Works: In 3 vols. Vol. 1]. Ed. by A. F. Losev and V. F. Asmus. Introduction by A. F. Losev. Moscow: Mysl’.

Информация о публикаторе: Анастасия Георгиевна Гачева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела Новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья Института мировой литературы имени А. М. Горького РАН. Адрес: Российская Федерация, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а, стр. 1.

Information about the publisher: Anastasia G. Gacheva — DSc in Philology, Leading Research Fellow at the Department of Contemporary Russian Literature and Literature of Russian Abroad, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. Address: 1 25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.